

НАВСТРЕЧУ ТРЕТЬЕМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ КОНГРЕССУ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Мультикультурализм представляет собой категорию, которая активно использовалась и используется при разработке различных политических концепций. Она во многом характеризует сущность современного общества, определяя его значимую этнокультурную составляющую.

Статья генерального директора ГРЦРФ А. С. Каргина и сотрудника отдела координации региональных научных программ М. В. Васехи посвящена важнейшим социально-политическим и этноконфессиональным проблемам, связанным с судьбой концепции мультикультурализма в Европе и России.

Проектная и практическая деятельность Государственного республиканского центра русского фольклора всегда учитывала исторически сложившуюся многоэтничность пространство российской культуры и важность теоретического осмысления возможных путей развития российской многонациональной цивилизации.

А. С. КАРГИН,
М. В. ВАСЕХА
(Москва)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ (Подводя итоги, обсуждая перспективы)

Аннотация. Авторы статьи рассматривают вопрос о культурной многоукладности России через призму разностороннего опыта политики мультикультурализма в странах «классической иммиграции» и «национальных государствах» Западной Европы. Мировой опыт позволяет глубже увидеть процессы полиэтничного современного российского общества и сформулировать проблему развития уникального мультифольклорного пространства, сложившегося в Российской Федерации.

Ключевые слова: политика мультикультурализма, мультифольклорное пространство, иммиграция, коренные народы, полиэтничное и поликонфессиональное общество, культурная многоукладность, культурная интеграция.

Мультикультурализм как явление духовной и социально-политической жизни остро заявил о себе в Канаде, США, Австралии, а также в ряде европейских стран, в первую очередь, во Франции и Германии во второй половине XX — начале XXI вв.¹ Движущей силой или источником мультикультурализма явилось всё большее усложнение в этническом плане социальной структуры общества, увеличение числа этносов, проживающих в перечисленных странах или прибывающих туда на жительство. Традиционно страны

¹ Мультикультурализм, очевидно, был издревле присущ уже византийским, древнегреческим, римским городам, в которых проживали представители разных этнических групп, различающихся своим вероисповедованием, языком, традициями и т. д. В России — в Москве, в Санкт-Петербурге — также существовали районы — вкрапления в русский этнос: Немецкая слобода, Татарская слобода и др. Кроме того, складывались армянская, грузинская диаспоры (подробнее см.: [Добровольская 2013, 140—146]). Однако как в европейских, так и в русских городах мультикультурализм представлялся как многоградность в культуре, обычаях, обрядах, а доминирующая культура успевала ассимилировать элементы «пришлых» культур, находить баланс интересов с ними.

делятся на «иммигрантские» (Канада, Австралия, США) и «национальные» государства (Франция, Германия). Но во второй половине XX в. эти иммиграционные особенности развитых стран в известной степени нивелировались, и иммиграция стала рассматриваться как одна из важнейших предпосылок экономического процветания и условий обеспечения трудоемких и малопrestiжных производств, оказания услуг и т. п.

В Европе при этом бывало и бывает до сих пор мнение о миграции как о временном явлении. Мигранты как бы прибывают «на время», после чего они должны покинуть страну. В конце XX в. количество мигрантов в странах Евросоюза и Швейцарии превысило восемнадцать миллионов человек (не считая уже натурализованных, т. е. получивших статус граждан). Их приток составляет около двух миллионов человек ежегодно. Иллюзия временного пребывания мигрантов постепенно развеивается. Таким образом в названных государствах формировалась полиэтническая иммиграционная картина, которая порождала принципиально новые проблемы в идеологии, политике, культуре, языке, конфессиональных отношениях и т. п. Для каждой страны «набор» этих проблем имел свои особенности.

В Канаде мультикультурализм был объявлен официальной политикой в начале 1970-х гг. [Тишков 2002, 339]. Идея мультикультурализма была озвучена с целью нейтрализации квебекского сепаратизма, где проживает основная часть франкоговорящих граждан, предъявляющих права на сохранение своей культуры и обычаев. Канадские власти пытались таким образом смягчить обеспокоенность англоязычного большинства относительно сохранения целостности страны. Подчеркивалось, что речь идет о создании мультикультурного, но не мультинационального сообщества. Однако помимо англоканадцев и франкоканадцев, политика мультикультурализма касалась и отношения с канадскими этническими меньшинствами (индейцы, эскимосы,

метисы). Введение этого понятия позволило понимать Канаду не как «плавильный котел», а как страну культурно-мозаичную [Wiewiorka 1998, 884]. В канадском варианте политика мультикультурализма подразумевала государственную поддержку всех этнических групп, стремящихся сохранять и развивать собственный язык и культуру: оказание помощи в преодолении культурных и других барьеров с целью полноценного участия мигрантов в жизни канадского общества; оказание содействия культурным взаимодействиям между различными группами граждан с целью национального единения и создания условий для изучения иммигрантами хотя бы одного официального национального языка [Тишков 2002, 342]; создание «справедливого общества», в котором предоставляются равные возможности для всех граждан, независимо от их этнической принадлежности и вероисповедания. Канадский тип мультикультурализма предполагал признание двуязычия канадского общества при нивелировании его двух господствующих культур, т. е. отвергалась формула «англоканадцы, франкоканадцы плюс меньшинства» и вместо нее конструировалась единая нация канадцев. Премьер-министр П. Трюдо сформулировал это следующим образом: «Мы все, независимо от языка и происхождения, составляем одну канадскую нацию» [Trudeau 1972, 32]. Таким образом, создание единой общеканадской политической и гражданской идентичности с одновременным сохранением культурного разнообразия было положено в основу канадского мультикультурализма в первые годы его становления как государственной политики и национальной идеологии. Мультикультурализм, с точки зрения франкоязычного общества, не смог решить важнейшие противоречия в их отношениях с англоканадским большинством, поскольку, как считают франкоговорящие оппозиционеры, «эта политика ограничивает и низводит требования нации до уровня этнических мигрантов» [Kumlicka 1995, 17]. При этом были признаны

права аборигенов на развитие и сохранение своих культур, и даже отчасти получено право на некоторые формы местного самоуправления в рамках канадской конституции [Стельмах и др. 1990, 88—89].

Иная картина была в Австралии. Австралийское правительство в 1970-е гг. было вынуждено расширить иммиграционный поток в страну для решения экономических проблем [Castles и др. 1992, 50]. До принятия этой идеологии в Австралии в течение долгого времени господствовала расистская доктрина «белой Австралии», не допускавшая интеграции неевропейского населения с аборигенами. Задача решалась вплоть до запрета иммиграции граждан стран Азии и Африки [Кане 1997, 41]. Ситуация изменилась. Мультикультурализм в Австралии, как и в Канаде, должен был обеспечить создание либерального общества, которое будет характеризоваться социальным согласием, стабильностью, снятием межэтнических противоречий и социальной напряженности [Куропятник 2000, 46]. «Австралийский мультикультурализм, — пишет А. Петриковская, — понятие многозначное. Оно подразумевает и этническую неоднородность населения, и политику федерального правительства с вариациями в штатах, и, наконец, идеологию плюралистического сосуществования культур в едином национально-государственном контексте» [Петриковская 1993, 28]. Австралийским правительством предпринимались различные меры по социальной поддержке мигрантов. Так, например, в 1972 г. австралийское правительство ввело программу обучения мигрантов; в 1983 г. была утверждена программа «Мультикультурализм для всех австралийцев», в которой отводилось особое значение этнической принадлежности граждан.

В США идеи мультикультурализма коснулись, прежде всего, прав меньшинств из числа коренных жителей — потомков африканских рабов и «американских индейцев»². Так называ-

² См. подробнее об основных периодах иммиграции в США: [Богина 1965; Парсонс 2000] и др.

емая теория «восстановления справедливости» по отношению к этим группам привела на практике к «позитивной дискриминации» по отношению к чернокожим гражданам, а позже и членам этнических меньшинств, формируемых мигрантами. В США мультикультурализм не столько предполагал признания культурного плюрализма, сколько был сосредоточен на устранении социального неравенства и дискриминации по расовому и этническому признакам [Glazer 1997, 12]. «Позитивная дискриминация» предполагала введение этнических и расовых квот при приеме в вузы, при занятии определенных престижных должностей. В целом все это замышлялось как временная мера. Однако политика «позитивной дискриминации» не привела к интеграции меньшинств в политическое сообщество [Glazer 1988, 15], более того, стало ясно, что отказаться от нее стало невозможно, т. к. сами меньшинства воспротивились свертыванию помощи. В результате эта политика усилила разделение общества по этнорасовому признаку, привела к распаду гражданского общества на множество взаимно изолированных «культурных» ячеек [Gitlin 1995, 53].

Во Франции и Германии «мультикультурализм» воспринимался скорее как порождение объективных экономических и социальных запросов страны. Обострение ситуации было связано с исчерпавшимися внутренними возможностями этих стран к ассимиляции и аккультурации больших мигрантских потоков в последнюю треть XX в. Однако во французских общественно-политических дискуссиях до сих пор существует противодействие самой постановке вопроса о Франции как о культурно-плюралистической стране. Абсолютное большинство французов настаивают на том, что единственно адекватной призмой рассмотрения французского общества является призма «республики», «гражданства» и «интеграции» [Debray 1989, 91]. Начало французским дебатам о мультикультурализме положил скандал, связанный с запретом де-

вочкам-мусульманкам носить в школе хиджаб — головной платок [Gaspard, Khosrokhavar 1995]. На волне этой дискуссии и началось осмысление проблемы «мультикультурного общества» во Франции [Wieviorka 1996, 884].

В Германии, несмотря на принятие идеи «мультикультурности» в 1980-х гг., практика определялась идеалом этнически гомогенного национального государства («Германия для немцев»). Приверженцы этого идеала оспаривают то обстоятельство, что Германия «де факто» превратилась в «иммиграционную страну»: ежегодный приток иммигрантов составляет несколько сот тысяч человек, например, в начале 1990-х гг. более 400 тыс. в год. Тем не менее, в официальной политике, в быту иммигрантов принято называть «иностранцами», «гастарбайтерами», что, в частности, предполагает их временное пребывание в стране. Несмотря на тот факт, что многие из них всю жизнь прожили в Германии и даже тут родились, их правовой статус остается таким же, как если бы они приехали сюда в краткосрочную командировку [Bade 1994].

Таким образом, во Франции считается, что мигранты должны культурно ассимилироваться, в Германии мигранты — гости, «иностранцы», которым предстоит рано или поздно вернуться на родину. Однако не является секретом то, что сегодня в этих странах иммигрантское население по своему количеству сопоставимо с местным населением, еще недавно составлявшим однозначное «большинство». В ходу стала шутка: «Швеция, в принципе, неплохая страна, только шведов там мало» [Юст 2013].

Многие европейские страны больше не могут ассимилировать инокультурное население, а мигранты не хотят быть ассимилированы [Малахов 2002, 54]. Всё это создает принципиально новую ситуацию с мультикультурализмом, которая стала давать сбои во Франции, Германии, других европейских странах. Согласно французскому идеалу, мигранты, становя-

щиеся гражданами страны, полностью уравниваются в правах с «коренными французами». Сердцевиной концепции мультикультурализма стал вопрос об интеграции пришлого населения, их ассимиляции в сложившиеся институциональные структуры. Реальные проблемы с отказом от включения мигрантов в аборигенную культуру, от ассимиляции, от владения ядром новых национальных культурных ценностей, языком, создание своих национальных сообществ, анклавов и т. д. показали тупик в осуществлении идей мультикультурализма.

С экономическим кризисом 2007—2010 гг. проблема мультикультурализма приобрела большую остроту: усилился поток иммигрантов, прибывающих в ведущие европейские государства из менее благополучных стран. Они стали формировать свои анклавные образования внутри существующих национальных институтов в ведущих мегаполисах европейских столиц; появились отдельные районы фактически живущих по иным, чем метрополии, законам — имеющих «свои» школы, магазины, больницы и т. д., говорящих на родном языке и не воспринимающих ценности их «новой родины». Проблема мультикультурализма как практическая проблема национальной политики государств привлекла всеобщее внимание. Она вышла за границы отдельных государств и приняла общеевропейский масштаб. В пригородах Парижа, Стокгольма полыхают автомобили, обычным делом стали погромы, которые устраивают иммигранты.

В Италию переправляются через Средиземное море десятки тысяч незаконных мигрантов из Марокко, многие из них погибают на утлых суденышках в шторм, не добравшись до возделенной Сардинии или Сицилии.

Проект мультикультурализма, поначалу обещавший решение острых проблем с культурой прибывающих мигрантов, достаточно скоро растратил кредит доверия и превратился в острую социально-политическую и этноконфессиональную проблему.

* * *

16 октября 2010 г. в Постдаме в своей речи перед молодыми представителями Христианско-демократического союза Ангела Меркель заявила, что политика «мультикульти», в рамках которой люди разных культур должны жить «бок о бок долго и счастливо, потерпела в Германии крах». Немногом позже, 5 февраля 2011 г. в речи на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности премьер-министр Англии Дэвид Кэмерон заявил о провале политики «государственной мультикультурности» и предложил своим европейским партнерам «проснуться и осознать, что же происходит внутри наших границ». По словам Кэмерона, доктрина мультикультурности поощряет «жизнь в разобщенных, отделенных друг от друга этнических общинах», тогда как для того, чтобы предотвратить распространение экстремизма, британцы нуждаются в более определенной и четкой национальной идентичности.

Николя Саркози — президент Франции в 2005—2011 гг. — стал третьим европейским политиком, признавшим, что мультикультурная модель Европы является «провалом». Данное заявление прозвучало уже на фоне жарких споров в Европе по поводу мультикультурализма. «Да, это провал, — заявил в своем выступлении президент Франции во время прямого эфира на канале TF1, — правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало — об идентичности принимающей стороны. Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию. <...> Наши соотечественники, исповедующие ислам, должны иметь возможность жить и практиковать религию, как и все другие наши сограждане, принадлежащие к другим конфессиям, но речь должна идти лишь о французском исламе, а

не исламе во Франции», — подчеркнул президент. «Мы не хотим, чтобы во Франции устраивали показательные уличные молитвы», но мечети — это «нормально», добавил Н. Саркози [Новостная лента].

Очевиден провал всех моделей «встраивания» иммигрантов в общественные институты, в местную культуру. Иммигрантские организации создают мозаичность обществ, поделенных на общины и группы по национальному, культурному, конфессиональному признакам. Мультикультурализм, включая язык, обычаи, обряды, празднование национальных праздников, становится своеобразной «зоной», внутри которой разворачивается специфическая иммигрантская аура жизни, нередко противостоящая местным традициям.

В России вопрос о мультикультурализме в теоретическом и практическом отношении был поставлен в последнюю четверть века, с распадом СССР, а затем в связи с нарастающим потоком иммигрантов из бывших союзных республик, в первую очередь Средней Азии, Закавказья, Молдовы, Украины и Белоруссии. Стало очевидным, что модель сосуществования культур, сложившаяся в СССР (при всех ее недостатках и идеологических издержках), позволяла существовать идее равенства и ценности культур всех народов, населяющих СССР. При этом экономические основы позволяли населению всех территорий бывшего СССР жить и трудиться без передвижения, т. е. они оставались титульными нациями в полном смысле этого слова, сохраняя и развивая культуру, язык, обычаи и обряды. В. Воронов в работе «Мультикультурализм и деконструкция этнических границ» называет Советский Союз «страной победившего мультикультурализма, этнонациональное устройство которого воплощало идеи мультикультурализма, доведенного “до своего логического предела”». Борьба за культурные права меньшинств малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока не привела к разделению советского общества по культурному признаку, к

подавлению других культур культурой самой многочисленной нации — русской.

В последнюю четверть века Россия столкнулась с многочисленными конфликтами национальных культур. Происходят столкновения между культурами российских коренных народов и иммигрантов, чаще всего — конфликт культур народов, исторически населяющих одну территорию, — Россию. Так же как и в Европе, они не ассимилируют ценности, в частности, русской культуры, русского языка, хранят свой язык, отмечают свои праздники, соблюдают обряды. С ростом национального самосознания наблюдается попытка возвышения роли и значения культуры одного народа над другими или же происходит попытка регионов «выдавить» инокультурные образования за свои пределы. При этом этническая культура становится начальным фактором в противостоянии народов.

Во многих регионах нарастает стремление к возрождению традиционных ремесел, языка; создаются специализированные государственные и негосударственные учреждения культуры, возникают этнические объединения, проводятся массовые мероприятия по сохранению национальных культур и т. д. Этот разновекторный процесс «объединения — разрушения» культур в едином культурном пространстве страны несет на себе сложное сочетание «сложения — разъединения» российской и «не-русской» культур.

В современной России наблюдается мощное движение к познанию собственной этнической истории, религии, культуры. Интеграция этносов, в частности, согласно концепции «большой салатницы», «плавильного тигля», «кипящего котла», широко разрекламирована в Европе, но оказывается малоэффективной [Каргин 2010, 191]. Если по отношению к Западной Европе можно говорить о противоречиях культур аборигенов — иммигрантов, или в США — иммигрантов (возможно, в таком статусе они оказываются в разные исторические периоды), то в России каждый народ — абориген, и

их взаимодействие является третьей моделью противоречий мультикультурализма.

Впервые в начале июня 2013 г. на Юбилейной конференции министров культуры стран — членов Совета Европы Министр культуры Российской Федерации В. Р. Мединский, касаясь проблем мультикультурализма, путей их решения в Европе, назвал нынешнюю ситуацию «крахом». По его мнению, опыт последних десятилетий показал, что все предпринятые меры не сработали. Не происходит взаимного проникновения и взаимного слияния культур разных групп, разных народов. Поэтому и в России, и в Европе нужны новые проекты. Россия на протяжении долгих столетий имела свой собственный опыт мирного и эффективного взаимодействия самых различных групп населения, самых различных культур. В первую очередь это касается не мигрантов — это касается всех титульных наций, исповедующих практически все мировые религии, обладающих уникальным нематериальным культурным наследием. Очевидно также, что мультикультурализм — это проблема, в первую очередь, бытовой культуры, культуры народной, фольклорной, в ауре которой человек постоянно находится и постоянно проявляет себя как носитель определенного типа культуры, ядром которой должны быть толерантность, уважение, взаимопонимание. В реальности же нередко наблюдаются, наоборот, процессы агрессии, неприязни, национальной ксенофобии.

Правительство Москвы на своем заседании 20 июня 2013 г. приняло решение о противодействии экстремистским акциям ряда национальных диаспор (чеченцев, дагестанцев, ингушей и др.), проявляющихся, в частности, в проведении свадебных обрядов с применением огнестрельного оружия в общественных местах, в неадекватном поведении во время проведения своих национальных праздников, насилии в отношении должностных лиц (полиции, сотрудников ГИБДД и др.). Речь идет, прежде всего, о фольклорном поведении иммигрантов, идущим вразрез существую-

шим в Москве гражданским законам и нормам, их игнорировании и т. д.

Внутренние национально-этнические процессы саморазрушения и регенерации, трансформации и стагнации в фольклоре, «вынужденно» приспособляющегося к реалиям мультикультурного общества, отличаются противоречиями. Эти процессы затрагивают контекст традиционного фольклора в самом широком понимании этого термина, его смысловое ядро, функциональные, стилевые стороны, источники пополнения, способы воспроизведения и т. д. Речь идет о принципиальных новшествах в фольклоре, зачастую непредсказуемых, не согласующихся с обычным представлением о нем как о «сугубо национальном явлении».

Всё это ставит проблему формирования нового мультифольклорного пространства России в ряд острейших научных и политических проблем стабильного развития общества и государства.

Литература

Богина 1965 — *Богина Ш. А.* Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865). М., 1965.

Добровольская 2013 — *Добровольская В. Е.* «Понаехали тут всякие...»: стереотипы восприятия жителями Москвы коренных москвичей и приезжих // Традиционная культура. 2013. № 1. С. 138—150.

Каргин — *Каргин А. С.* Фольклор в современном культурном пространстве // От конгресса к конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов / Сб. материалов. М., 2010. С. 18—29.

Куропятник 2000 — *Куропятник А. И.* Проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.

Малахов 2002 — *Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 49—50.

Новостная лента — Новостная лента. URL: www.inosmi.ru/Europe/20110211/166444540.html

Парсонс 2000 — *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000.

Петриковская 1993 — *Петриковская А. С.* Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 28—44.

Стельмах и др. 1990 — *Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В.* Тропую слез и на-

дежд. Книга о современных индейцах США и Канады. М., 1990.

Тишков 2002 — *Тишков В. А.* Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 331—350.

Юст 2013 — *Юст И.* Стокгольмский синдром российского общества // Московский комсомолец. 2013. 2 июня.

Bade 1994 — *Bade K.* Das Manifest der 60: Deutschland und die Einwanderung. Munchen, 1994.

Castles и др. 1992 — *Castles S., Kalatzis M., Cope B., Morrissey M.* Mistaken Identity: Multiculturalism and the Demise of Nationalism in Australia. Sydney, 1992.

Debray 1989 — *Debray R.* Que vive la République. Paris, 1989.

Gaspard, Khosrokhavar 1995 — *Gaspard F., Khosrokhavar F.* Le foulard de la république. Paris, 1995.

Gitlin 1995 — *Gitlin T.* The twilight to common dreams: Why America is wracked by Culture wars. NY, 1995.

Glazer 1988 — *Glazer N.* Ethnic dilemmas 1964 — 1982. Cambridge, 1988.

Glazer 1997 — *Glazer N.* We are all Multiculturalists now. Cambridge, 1997.

Kane 1997 — *Kane J.* From Ethnic Exclusion to Ethnic Diversity: The Australian Path to Multiculturalism // Ethnicity and Group Rights. New-York; London, 1997. P. 54—571.

Kymlicka 1995 — *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship. A Liberal theory of minority rights. Oxford, 1995.

Roman 1998 — *Roman J.* La démocratie des individus. Paris, 1998.

Trudeau 1972 — *Trudeau P.* Conversations with Canadians. Toronto, 1972.

Wieviorka 1996 — *Wieviorka M.* Unesociété fragmentée: le multiculturalisme en débat. Paris, 1996.

Wieviorka 1998 — *Wieviorka V.* Is the multiculturalism the solution? // Ethnic and Racial Studies. Vol. 21/1998. # 2.884). P. 882—910.

Summary. *The authors examines the issue of Multiculturalism in Russia through the prism of diversified experience of multiculturalism policy in the countries of the “classical immigration” and “nation-states” of Western Europe. The global experience allows to consider processes in the contemporary Russian society in a deeper way and formulate the problem of a unique Multifolklore space that has developed in the Russian Federation.*

Key words: *politics of Multiculturalism, Multifolklore space, immigration, indigenous people, multiethnic and multi-confessional society, multiculturalism, cultural integration.*